

ЙОХАН ХЕЙЗИНГА

КУЛЬТУРА
НИДЕРЛАНДОВ
В XVII ВЕКЕ

СОСТАВЛЕНИЕ, ПРЕДИСЛОВИЕ И ПЕРЕВОДЫ: Д. В. СИЛЬВЕСТРОВ
КОММЕНТАРИИ: Д. Э. ЖАРИТОНОВИЧ, Д. В. СИЛЬВЕСТРОВ

Издательство

Иллюминатор

МОСКВА, ММХХІІІ

От

Дмитрий Сильвестров

переводчика

Дирк Халс.

Веселое общество.

Дерево, масло.

1627.

Рейксмузеум,
Амстердам.

сентябре 2019 г. Амстердамский исторический музей (Amsterdam Museum) объявил об отказе от термина *Золотой век*. Этот термин, как пояснялось, игнорирует многие негативные аспекты XVII века, такие как бедность, войны, принудительный труд и торговля людьми, омрачавшие историю Нидерландов. Поэтому эпоху поразительного взлета и расцвета искусств Республики Соединенных Провинций отныне следует именовать нейтральным термином XVII век.

Многие нидерландские деятели культуры выразили несогласие. Не стоит пытаться перечеркнуть историю: термин *Золотой век* — это и есть история. Для Амстердамского исторического музея, однако, он соответствует историографии с точки зрения власть имущих, не учитывающих условия жизни обычных людей, зачастую становившихся жертвами горестных обстоятельств.

Примечательная полемика. Не есть ли это очередной шаг в сторону неуклонно развивающегося процесса политкорректности?

Но вот перед нами картина Дирка Халса (1591–1656) *Веселое общество* (Dirck Hals. *Vrolijk gezelschap*, 1627. Amsterdam, *Rijksmuseum*) — пасторальный идеал Золотого века.

Справа на переднем плане — казалось бы, не вяжущиеся с сюжетом шпага и руины стены с фрагментом карниза, символы войны и разрушений.

Расцвет, без которого не было бы тех Нидерландов, которые мы знаем, представлял собой сложный и неоднозначный процесс. Как могла достичь столь выдающихся успехов маленькая страна, насчитывавшая тогда едва ли два миллиона жителей? К тому же Нидерланды во многих отношениях были не исключением, а скорее продуктом своего времени. Важно, что наряду с узким кальвинизмом, нидерландской ограниченностью, которую отмечал еще Эразм Роттердамский, незавидным положением женщины, работоторговлей, — Голландии, как называли страну по ее крупнейшей провинции, были свойственны духовное и нравственное равновесие, открытость, умеренность, гармония и внутреннее спокойствие — качества, присущие и сегодняшним Нидерландам. На этих столпах держалось нидерландское общество.

Обо всем этом рассуждает Хёйзинга в очерке *Nederland's Beschaving in de Zeventiende Eeuw** [*Культура Нидерландов в XVII веке*]. В 1941 г. Хёйзинга переработал ряд лекций, ранее опубликованных по-немецки, в книгу под этим названием. «Национальные качества (в хорошем смысле) он противопоставляет пропаганде политического экстремизма. Его национализм, однако, был, так сказать, негативного свойства: не жажда геройства и боевых подвигов, но гордость от их отсутствия. Хёйзинга полагал, что относительно счастливым развитием начиная с XVII в. Нидерланды были обязаны не фанатичному следованию идеологическим принципам, не военной экспансии, не громадным коллективным затратам сил и стремлению к единовластию»**. — Не авторитарное государственное устройство поощряло развитие искусств и ремесел. Положение в центре Европы, удобные и дешевые речные пути сообщения, рост мореплавания, приток деятельных иммигрантов, в основном протестантов и евреев, развивали и обогащали страну.

Людам свойственно в иные моменты опираться на величие своей страны в прошлом. И в том настоящем, которое представляли собой Нидерланды под властью гитлеровского национал-социализма, память о славном, независимом прошлом пробуждала надежду на будущее. Книга возникла как оружие защиты против гитлеровской агрессии. Появление *Культуры Нидерландов XVII столетия* во время войны должно было, по мысли автора, стать духовной поддержкой для оккупированной нации, напомнить ей о мировой славе ее культуры, стать залогом освобождения.

Вместе с тем книга не была апологией так называемого *Золотого века*. За многие десятилетия до нынешней *политкорректности* Хёйзинга полагал, что «само по себе наименование *Золотой век* ни на что не годится. У него привкус *aurea aetas*, некоей мифической страны изобилия, которая еще со школьной скамьи приелась нам у Овидия. Если уж эпоха нашего расцвета и нуждается в имени, то в качестве эпитетов подошли

* H. D. Tjeenk Willink & Zoon N. V., Haarlem, 1941.

** Вессел Крюл. Йохан Хёйзинга (1872–1945): историк, писатель, моралист // *Культура Нидерландов...* — СПб.: Изд. Ив. Лимбаха, 2009. С. 632–633.

Культура

Йохан Хейзинга

Нидерландов в XVII веке*

* *Nederland's beschaving in de zeventiende eeuw.*
H. D. Tjeenk Willink & Zoon N. V., Haarlem,
1941. — Здесь и далее прим. пер.

СЛИ МЫ ВОЗЬМЕМ СРЕДНЕГО НИДЕРЛАНДЦА, вполне образованного и в меру интересующегося историей, и пожелаем осведомиться о его знании нашей культуры XVII столетия, то может оказаться, что его запас позитивных представлений по этой части в основном исчерпывается впечатлениями от искусства живописи.

Разумеется, все читали — кто Вондела, кто Хоофта, а кто даже Спинозу; всех связывают школьные воспоминания о громких именах принцев и государственных деятелей, мореплавателей и служащих Ост-Индской компании^{1*}, но представления большинства о природе государственных учреждений или об упорядоченной картине хода событий оказались бы, по всей вероятности, слабыми и нечеткими. И то, что отсутствовало бы по части богатства и точности представлений общего характера, во многих случаях лишь недостаточно уравновешивалось бы некоторым знакомством с искусством живописи. Именно с искусством живописи, и конечно — с некоторыми из наиболее прославленных мастеров. Но такие бесценные сокровища искусства, и в то же время истории, как рисунок и гравюра, остались бы почти исключительно в сфере интереса специалистов.

Проведи мы такую проверку мнений столетием ранее, во времена Потггитера и Якоба ван Леннепа^{2*}, результаты, без сомнения, оказались бы совершенно иными. Знание истории страны, в обычном политическом смысле, у людей 1840-х гг.,

без сомнения, было обширнее и определеннее, чем у ныне живущих поколений. В том числе и из литературы; по крайней мере, некоторые разделы, вне всякого сомнения, они знали лучше. Отечественное прошлое в целом, с его персонажами и событиями, было им тогда ближе, чем нам. В исторических представлениях столетней давности элемент образительного искусства, напротив, занимал еще весьма подчиненное место. Мы сталкиваемся здесь с всеобщим явлением культурного смещения, характерным для всего мира и всякой истории: постепенно мы получили так много материала и возможностей для чисто визуального восприятия прошлого, что все более пренебрегаем чтением и размышлением об этом прошлом. Мы попытаемся здесь, насколько будет возможно, избежать как одностороннего эстетического взгляда наших дней, так и одностороннего политического взгляда прошлого, сделав предметом рассмотрения культуру в широком смысле слова.

Культура Нидерландов в XVII веке это уже ушедшая действительность, можно сказать, абстрактная действительность, но тем не менее столь полная жизни и насыщенная идеями, что представление о ней едва ли кажется нам абстракцией. Чтобы ясно увидеть эту действительность, лучше всего выбрать исходный пункт там, откуда проистекает всякое знание: то есть в изумлении перед тем, что вся та жизнь некогда и впрямь представляла собой действительность. В нашем конкретном случае изумление будет в высшей степени непосредственным. Каким образом, сразу же возникает вопрос, стало возможно, чтобы столь небольшая и сравнительно отдаленная область Европы, которую представляли собой Нидерланды XVII столетия, до такой степени выдвинулась вперед как государство, торговая держава и средоточие культуры, как это сделала наша молодая Республика? Нам более или менее понятно, почему на долю Афин и Флоренции, Рима и Парижа выпала честь стать выдающимися центрами распространения культуры, но каким образом такого рода слава в течение некоторого периода времени досталась небольшой заболоченной стране между Эмсом и Фли — и Маасом и Шельдой?

Самим по себе этим фактом наше изумление не исчерпывается. Потому что тут же следом встает и второй вопрос: где еще найдется пример национальной культуры, которая сразу же после рождения государства и нации достигает своего апогея? — Не забудем при этом ни на мгновение, что за сто, даже за пятьдесят лет до рождения Рембрандта никакой нидерландской нации вообще не существовало в том смысле, в котором мы это здесь понимаем. В то время как страстное желание быть особым народом вскипает в песнях гёзов^{3*}, принц Вильгельм Оранский с усердием и почти без надежд на удачу ищет ту форму, которую так или иначе может принять государство Нидерланды. Он не дожил до его рождения, и никто в эти тревожные годы с 1584 по 1588 еще не видит, что именно принесет судьба Нидерландам. И тут вдруг возникает новое, молодое государство, кое-как построенное на основе Утрехтской унии, торс богатой области Нижнеземелья, которое сплотили воедино герцоги Бургундские и которое стало владением Карла V^{4*}.

Однако молодое содружество все еще имеет перед собой настоятельную и почти безнадежную задачу: завоевать свободу силой оружия. Еще долгие годы шансы на выживание зависят от взятия, одного за другим, небольших городов: Бреды, Делфзейла, Гертрёйденберга, Неймегена, Зютфена, Гронингена^{5*}. А между тем нидерландские мореплаватели уже проникают все дальше и дальше в полярные области и в Индию^{6*}, и с каждым днем растет торговля Амстердама, и все больше

*Адам
Виллаартс.*

*Флот
голландской
Ост-Индской
компании
у берегов
Западной
Африки.*

*Холст,
масло. 1608.
Амстердамский
исторический
музей*

✿ *Герман Сафтлевен. Пейзаж с замком (Холм в Гронингене?). Рисунок. 1619–1685. Рейксмюсеум, Амстердам*

✿ *Карел Лодевейк Хансен. Путешественники на набережной в Дренте. Офорт. Ок. 1780–1840. Рейксмюсеум, Амстердам*

✿ *Хендрик Стилман. Деревня на реке Велюве. Рисунок с работы Абрахама де Хазна Мл. Рисунок. 1737–1784. Рейксмюсеум, Амстердам*

✿ *Герард тер Борх Мл. Мужчина на улице в городе Зволле, столице Оверэйссела. Рисунок. Ок. 1631–1633. Рейксмюсеум, Амстердам*

Николаас Элиасзоон Пикеной.

*Офицеры и другие стражники
IV округа Амстердама под
командованием капитана Яна
Клаасзоона ван Флоосвейка
и лейтенанта Геррита Хюдде.*

*Холст, масло. Ок. 1642.
Рейксмюсеум, Амстердам*

III

изнь христианской общины, будучи по своей природе не от мира сего, вследствие самой сути христианства неизменно должна стремиться по возможности стирать резкие грани между социальными группами. Мы уже говорили о том, что в нашей стране эти грани сами по себе были менее резкими, чем почти во всех других странах. Однако для этой функции Церкви и здесь имелось достаточно места, и кальвинизм, получив господствующую власть, действовал и в этом направлении не столько вследствие осознанного намерения, сколько в силу стечения обстоятельств. Противостояние между аристократией и буржуазией Церковь более или менее преодолевала. Пастор приходил в замок так же, как и в торговую лавку. Духовенство представляло весомую и в то же время очень чуткую власть. По большей части его представители были выходцами из средней буржуазии. Природа Кальвинистской церкви была такова, что служители Слова Божия всегда оставались в большей степени проповедниками, нежели пастырями. И поскольку их делом в первую очередь было проповедовать веру, а задачей — прежде всего обращаться с речью, увещевать и убеждать; интеллектуальной задачей, следовательно, — придавать форму мыслям и высказываниям, то их должность сама по себе заставляла их выносить суждения, и поэтому весьма часто осуждать многое, относившееся и к властям, и к обществу. Таким образом служители господствующей Церкви открыто высказывали

Ян
Брэйгел Ст. (?).

Вид города
вдоль реки.

Медь, масло.

Ок. 1630.

Рейксмюсеум,
Амстердам

узкого грахта, в обычном бюргерском доме без какой-либо тонченности или яркой отделки. Но дух времени устремлялся — здесь, впрочем, как и везде, — к иной красоте, чем та, которую художник видел перед своими глазами, к чужеродному и возвышенному либо к причудливо романтичному.

От Рейсдала не столько требовали тихих, светлых пейзажей дюн Кеннемерланда, сколько романтических эффектов со скалами и ручьями.

В том же ряду, что и вечная неудовлетворенность тем, что имеешь, находится и отношение к собственной, типично голландской архитектуре: как бы нова или оригинальна она ни была, скоро она уже не доставляла удовольствия знатным заказчикам и быстро выходила из моды. Она уже принадлежала прошлому, которым начинают пренебрегать как чем-то не слишком значительным. Идеалы благородного и строгого классицизма вторгаются из Франции и Италии, и радостный декор уступает место кирпичу и песчанику. Ступенчатый фасад, который уже больше не удовлетворяет вкусам, скрывается за изогнутыми линиями фронтона или исчезает вовсе. С тех пор как амстердамские отцы города покинули узкие улочки Оуде Зей, чтобы обосноваться «на Грахте»^{18*}, это бесподобное тройное кольцо каналов украшается домами того типа, которые проектировал Филипс Фингбоонс, отдельными или

*Бастиаан
Стопендаал.*

*Фасады домов
в Амстердаме.*

*Офортны с ра-
боты Филипса
Фингбоонса
Мл. 1674.
Рейксмюсеум,
Амстердам*

сдвоенными, из природного камня или из черного промасленного кирпича, с карнизами вместо заостренных фронтонов, и, при всей своей скромности, ведущими свое происхождение от французского *hôtel* или итальянского *palazzo*^{19*}.

Звучит почти символически, что Амстердам на вершине своего благосостояния и своей славы, в самый год заключения мира, в праздничной атмосфере *Леувендалицев*^{20*}, делает заказ на новую ратушу и что тогда, еще до завершения строительства, прежняя, средневековая ратуша предоставляет ей место, будучи уничтожена пожаром. Так возникает шедевр ван Кампена^{21*}, вскоре прославленный как восьмое чудо света в торжественных стихах, сочиненных Вонделом в честь города, — пышных и приближающихся по своим размерам к целому эпосу. Константейн Хейгенс также возносит хвалу этому зодчему:

*Van Campen, dien de eer voor eeuwich toe zal hooren,
Van't blinde Nederlands mis-bouwende gesicht
De vuyle Gotsche schel te hebben afgelicht.*

*Ван Кампен, коего мы будем чтить вовеки,
Смыл Нидерландов лик маравшее давно
Нестройной готики нелепое пятно.*

Каспар
Якобсзон
Филикс.

Фасады домов
в Амстердаме
(фрагмент).

Офорт.
1768–1771.
Рейксмузеум,
Амстердам

VI

De woorde die hi oegh en laast gelyk
En in die d'haer en Am en in die
Het den en in die d'haer en in die
De Boek die in die d'haer en in die
De woorde die hi oegh en laast gelyk
De woorde die hi oegh en laast gelyk
De woorde die hi oegh en laast gelyk
De woorde die hi oegh en laast gelyk

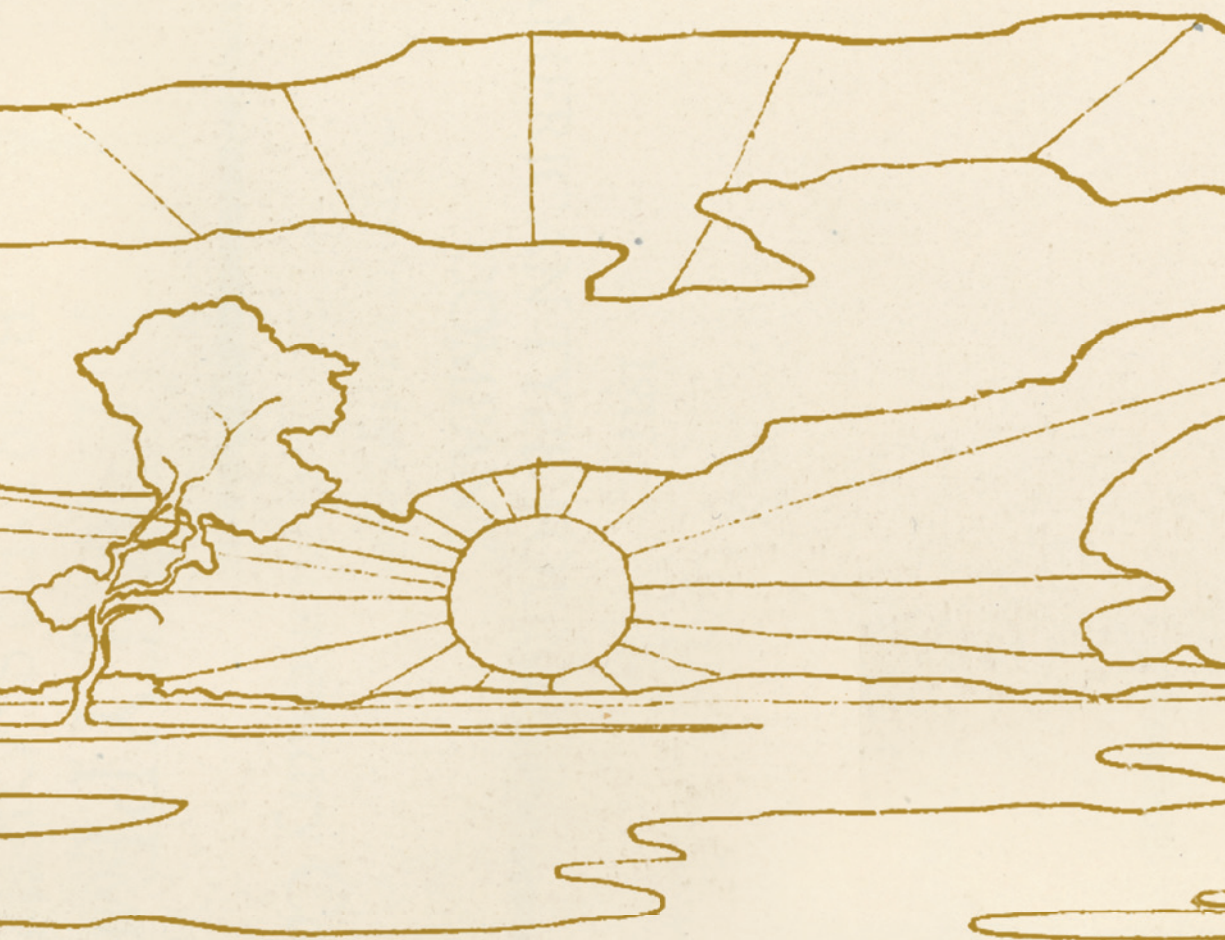
Bijvoeg
65

ЭТОМ, ПОСЛЕДНЕМ, РАЗДЕЛЕ, ПОСЛЕ ТОГО как мы уделили несколько слов архитектуре, мы коснемся вопроса, которым хотелось бы завершить этот очерк: почему единственный в своем роде расцвет нидерландской культуры в ее полном блеске продолжался такое короткое время?

Наш вопрос вытесняется встречным вопросом: вообще удерживается ли когда-либо культурный период достаточно долго в высшей точке расцвета? Но особенности нидерландской культуры XVII столетия ко всему этому вовсе не сводятся. Как же именно завершился здесь этот процесс, как переспела и отцвела наша культура? Или, быть может, эти метафоры не подходят для нашего случая? Попытаемся проанализировать. — Определенно кажется, что ослабление чисто национальных стремлений и затухание вдохновения ни в одной другой области не становятся заметным так рано, так внезапно, как в области архитектуры. Как только наша архитектура начинает проявлять стремление к строгим, застывшим формам, это уже говорит об утрате ею какой-то части той живости и сочности, которые делают для нас эпоху расцвета такой дорогой и близкой. Наше зодчество могло оставаться истинно нидерландским, подлинно национальным, пока в нем преобладала нотка живой фантазии и оригинального влечения к декору, пока оно желало скорее приятного, чем величественного. Если бы оно занялось поисками большого стиля, его бы непреодолимо влекли,

Избранные
достопамятные картинки
отечественной истории

Рисунки Йохана Хейзинги

